

рождением «новой породы» — замысел, так и оставшийся неосуществленным, но внутреннее сопротивление Блока натуралистическому детерминизму очень познавательно.

Для Вяч. Иванова, по крайней мере в его поэтическом творчестве, тема семьи и «жизнеописание» никогда эксплицитно не смыкались с мотивом «возмездия». Его поэма «Младенчество», типологически близкая «Возмездию» именно в своей жанровой ипостаси, как уже отмечалось С. Аверинцевым, абсолютно противоположна ей по ценностным установкам [7, с. 51—52]. Не разрыв с домом, уход и падение героя, а немеркнущая идиллия — мир поэмы Вяч. Иванова. И напротив, Блоку, в отличие от Вяч. Иванова, гораздо труднее удавалось воплотить тему возмездия в непосредственно национально-историческом аспекте, минуя отдельную человеческую судьбу, психологию конкретной личности.

И в то же время личные судьбы героев должны были, по замыслу Блока, находиться в поэме в сложном соотношении с судьбами национальной и всемирной истории. Но — заметим! — тема национально-исторической вины прозвучала в поэме менее отчетливо и выраженно, хотя и намечается в мотивах предчувствий «невиданных перемен» и «неслыханных мятелей». Пожалуй, наиболее разработанным оказался лишь «польский» аспект проблемы «возмездия», который заслуживает особого внимания.

«Польская» тема звучала в самих ранних редакциях поэмы (подзаголовки первой редакции, как известно, — «Варшавская поэма», и это не только обозначение места действия, но и указание на особую важность «польской» темы, на ее глубинную связь с проблемой исторического возмездия). В первой редакции историческое возмездие понимается как «мечь» униженной Польши («страна под бременем обид») стране-поработителю. В то же время прослеживается несомненный параллелизм темы духовного падения личности и страны «под игом наглого насилия». «Не непосредственная драма порабощения наглой силой, а духовное падение, безмолвие „народного гения“, отречение от идеала, предательство облепившейся совести — вот что поистине трагично для Блока» [3, с. 89].

В предисловии к поэме появляется еще один аспект польской темы, на этот раз — в связи с мотивом мазурки. Известно, что тема мазурки неоднократно намечалась Блоком в планах поэмы, но почти не нашла реализации в тексте, за исключением финала первой редакции, где мазурка упоминается лишь 1 раз и уже потому не может считаться лейтмотивом (один из неотъемлемых признаков лейтмотива — неоднократный повтор в тексте, который и придает слову, понятию или имени символический или характерологический смысл). Мазурка появляется в планах поэмы в 1911 г. («Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка» [6, т. 3, с. 464]), но превращается в осознанный лейтмотив только в плане от 21 февраля 1913 г., где в каждой главе намечается развитие темы мазурки, а весь план завершается фразой: «Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка». В письме к Л. Д. Блок от 25 февраля 1913 г. Блок также писал о двух явно противопоставляемых лейтмотивах: «Жизнь проходит, как пехота, но в шаг ее врывается мазурка (лейтмотив поэмы)» [6, т. 8, с. 411]. Наконец, уже в 1919 г., в предисловии к поэме Блок пояснял неосуществившийся замысел: «Вся поэма сопровождается определенным лейтмотивом „возмездия“; этот лейтмотив есть мазурка, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах» [6, т. 3, с. 299]. В чем же можно усмотреть связь этого мотива с темой возмездия? Думается, что речь может идти, с одной стороны, о круге музыкальных впечатлений, с другой — о теме мазурки в русской литературе.

Начнем именно с литературного осмысления этой темы. Мазурка упоминается почти во всех описаниях дворянских балов, от Пушкина до Я. П. Полонского («Свежее предание») и Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Война и мир», «После бала»). С этой точки зрения мазурка — один из символов традиционного дворянского бытового уклада [8, с. 79—89]. При этом бал, танцы и, в частности,